

Василь Быков. «В тумане». Повесть. Журнал «Полюмя», № 5, 1987, «Дружба народов», № 7, 1987 (перевод автора).

При свете правды

КОГДА обожженный войной фронтвик говорит о смерти на поле боя, он никогда не скажет: «героически погиб» или «пал смертью храбрых». Скажет отстраненно, безадресно и кратко — «убило...» Не пуля, не бомба, даже не война, а нечто более страшное, безликое, слепое. Убило в рукопашной, при арналете, в партизанах...

Новая повесть Василя Быкова начинается с жесткой констатации: «...партизанский разведчик Буров ехал на станцию Мостище, чтобы застрелить предателя — здешнего деревенского мужика по фамилии Суцения». Да, не привести приговор в исполнение, не покарать... Застрелить... Только в всего. Слово сделать тяжелую, неприятную, но простую работу. Вроде бы все ясно. С одной стороны, предатель, единственно уцелевший после казни участника диверсии на железной дороге. Даже не уцелевший, а тот, кого немцы сами выпустили, понятно, какой ценой... И возмездие — с другой стороны. Но у Быкова ничего однозначно не бывает. Все его творчество направлено на то, чтобы внести в восприятие войны (особенно для тех, кто ее не знал) именно оттенки, психологические нюансы, заполнить белые пятна. Быков всю жизнь боролся против черно-белого отображения трагических событий тех лет: свой — враг, трусость — храбрость, героизм — предательство и т. д. Знаю, многие категорически отрицают эти оттенки, даже сегодня. В черно-белом легче ориентироваться, легче все понимать, ставить оценки, принимать решения. И приводить приговоры в исполнение...

Таков в повести Войтик. Для него нет на войне неясного, да и в довоенной жизни не было. Суцения для Войтика до конца остается предателем, умеющим ловко изворачиваться. Те из предвоенной жизни, кого арестовывали по злым наветам, кому Войтик раньше доверял, сразу же становились для него врагами народа, «умеющими маскироваться». Черно-белое сознание. В тумане... Мнимой ли веры? Лености души? Страстного желания самому оказаться на белой, а значит, чистой и праведной стороне жизни? Войтик не отказывает самому себе в прощении, а скорее, в забвении собственной слабости и малодушия, когда он под дулами вражеских винтовок привел карателей на явочный хутор. Фактически предал. Нет, он себя ничуть не оправдывает. Но особенно и не терзается. Глушит чувство вины, свою раненую совесть. Ведь чтобы не отвечать на сложные вопросы жизни, достаточно иногда самой малости: не задавать их себе. Белое — черное, свет — тьма, тепло — холод. Все ясно.

Буров должен застрелить Суцению. Но, удивительное дело, как этот в общем-то крайних воззрений человек нерешителен, оттягивает, откладывает самый последний шаг, хотя, кажется, еще в дороге определил: «не рассусоливать, не заводить лишних разговоров, отвести куда-нибудь и застрелить. Если будет сопротивляться, хитрить или оправдываться, застрелить на месте». И времени на выяснение нет, действовать надр, иначе сами погибнут.

Вот оно, «черно-белое решение». Да, было оно, было, но воплотить его Буров, переступив порог хаты Суцения, почему-то не смог. И дело даже не в том, что заговорил он вначале не с хозяином, а с его малолетним сыном (чем усложнил, конечно, ситуацию), и не в том, что хорошо знает и жену Суцения. Он вывел Суцению из хаты, долго искал место, где все должно было быть конечно, но... «Что-то, однако, все время мешало ему — какая-то неопределенность в обстоятельствах, что ли».

Нет, не неопределенность мешала Бурову, а именно то, что все было слишком определено, слишком конкретно, слишком черно-бело. А Буров из тех, для кого смысл происходящего становится четким и ясным только тогда, когда учтены все

оттенки, все мелочи, все самое-самое... Это, и только это, может рассеять туман, окутывающий сложные людские судьбы, характеры, ситуации. Буров интуитивно чувствует: за покорностью Суцения своей судьбе, за неумением или даже нежеланием оправдываться стоит что-то неясное, неподвластное объективной логике, а значит, нельзя, не разобравшись до конца, вершить пусть внешне справедливый и праведный суд. И он оттягивает трагическую развязку, насколько возможно. До тех пор, пока не вмешивается слепой случай и сам Буров падает от пули. И уже Суцения спасает того, кто должен был лишить его жизни. Тащит на себе, обливаясь потом. Прочь от вырытой своими руками для себя же могилы! Уносит от нее и Бурова. Она, эта яма, могла стать нравственной могилой для героев Быкова. Пытаясь спасти Бурова, Суцения жадно исповедуется ему же: нет, он не предавал товарищей, выдержал пытки, с презрением отверг гнусные предложения доктора Гроссмайера о сотрудничестве «с немецкими властями». Он был выпущен прямо «из петли» на свободу. Ты захотел смерти? Пропагандистской смерти? И чтобы тебя там чтить? В листовках о тебе писали? Нет, так не будет! — пообещал ему немец. И вот человека, которого все знали, знали даже, на что способен и на что не способен Суцения, — этого человека дьявольский замысел поставил в безнадёжную ситуацию. Западня? А как же! Их повесили, а тебя выпустили? Значит, что ни говори, а ты предатель... Черно-белое постепенно превращается для Суцения в кровавый туман. Этот туман мог захлестнуть и Бурова. Доведи он задание до конца, смерть неповинного оказалась бы на совести разведчика.

Трагедия Суцения не в том, что он не делает скидку на войну, когда на многое необходим простой, даже прямолинейный взгляд, а в том, что выстрел, прогремевший в тумане, был предопределен пониманием: Буров погиб, а на встречу с еще одним Буровым надежды нет. «Вот вы говорите — война!.. Что все бывает... Разве за полтора года войны все переменялось? Разве человек так скоро меняется? Чтобы до войны один, а в войну — другой. Я тут тридцать семь лет прожил, меня все знают... Ну а почему теперь перестали верить? Вот получается, что немцам верят, а своему человеку — нет...» — задает вопросы Суцения. Себе, Войтику и еще кому-то, неконкретному, но определенно существующему.

Неестественность, выморочная сила войны, разрушающая нормальные человеческие отношения, в чем-то предсказаны прошлым, предшествующим войне временем. Судьбами Бурова, Войтика, Суцения.

В каждом своем новом произведении В. Быков уточняет наше представление о минувшей войне. Он отнюдь не меняет самого главного — отношения к патриотизму, героизму, понятиям гуманности, трусости, предательства. Наоборот, эти представления все более и более теряют плакатную абстрактность, выходят из тумана стереотипов, приобретают живые и реальные очертания. Примитивное понимание патриотизма и гуманности как раз и извращает саму их суть, ставит непреодолимый барьер на пути к осмыслению героико-трагического прошлого Родины. Наши сегодняшние представления о войне существенно отличаются от конца сороковых, и это закономерно. Они расширены и углублены творчеством Твардовского, Астафьева, Бондарева, Распутина, Адамовича, Кондратьева, мемуарами видных советских военачальников. Процесс этот можно ускорить, можно затормозить. Но он необратим. Повесть Василя Быкова «В тумане» — один из необходимых этапов в постижении и осмыслении великой войны, нашей истории.

Алексей ДУДАРЕВ

МИНСК